

ЛЕКСИКА ПРАВОСЛАВИЯ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ: ОПЫТ ЛЕКСИКОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА И ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ

Излагается взгляд на лексику православия как на составную часть лексической системы современного русского языка, обнаруживающую все лексические категориальные признаки, что дает основания рассматривать этот лексический разряд как новый объект лексикологии и лексикографии.

Ключевые слова: русский язык, лексика православия, лексикография, православная церковная культура.

С конце XX в., когда в нашей стране пал тоталитарный режим и отступил государственный «воинствующий атеизм», лексика православия постепенно возвращается в языковое сознание людей, занимает подобающее ей место в культуре и свое особое место в лексической системе языка.

Соотношение места религиозной культуры в мире и места религиозной лексики в лексической системе языка своеобразно и противоречиво, как, впрочем, противоречиво соотношение языка и религии: язык отражает наивную картину мира, самую простую, а религия – сакральную картину мира, самую сложную. Религиозная культура обобщает не некоторые, а все важнейшие для человечества категории и отношения, такие как происхождение мира, место человека в мире, отношения между людьми, смерть как атрибут и категория жизни и т. п., и не случайно поэтому современные исследования отмечают надприродный, надчеловеческий, надобщественный статус религии [Бобахо, Левикова, 2000. С. 27]. Каждая религия предписывает свои, причем очень устойчивые поведенческие стереотипы, имеет свои литературу, архитектуру, музыку, живопись. Религиозная культура может либо «пронизывать» обычную секулярную жизнь, либо (при государственном

атеизме) существовать параллельно, даже тайно, не утрачивая при этом ни одного из своих свойств. Такие свойства дают основание говорить о надкультурных признаках религии и признать этот тип культуры суперкультурой в противоположность субкультурам, в которых отсутствуют глобальные общечеловеческие концепты и гипертрофированы и дифференцированы частные, периферийные.

Вместе с тем, «обслуживая» глобальную сферу суперкультуры, церковно-религиозная лексика остается подсистемой и представлена в лексическом составе языка как его составная часть. История этой лексической подсистемы на протяжении семидесяти с лишним лет русской истории была трагической.

С самого начала советской власти в нашей стране уничтожение религии осуществлялось не только разрушением храмов и физическим истреблением священнослужителей, но и на языковом уровне: запретом или дискредитацией религиозно-церковной лексики, извращением семантики, понижением ее статуса на аксиологической шкале. Религиозные концепты уничтожались всеми возможными способами, прежде всего антирелигиозной пропагандой и усилиями научного атеизма.

Функцию дискредитации религиозной лексики с самого начала взяла на себя советская лексикография.

В Словаре под ред. Д. Н. Ушакова вся религиозная лексика не только получает подчеркнутую пейоративную оценку, но и искажается на семантическом уровне [1935–1940].

При толковании религиозных понятий обязательно вводятся частицы «будто бы», «якобы», конкретизатор «так называемый» и т. п. Например: БИБЛИЯ. 2. Свод всех книг так называемого (здесь и далее подчеркнуто мною. – Г. С.) священного писания у христиан, включая Ветхий и Новый Завет. БОГ. 1. По религиозным верованиям – верховное существо, стоящее будто бы над миром или управляющее им.

Цели дискредитации религиозных понятий служили разные лексикографические приемы, в частности, содержание и порядок значений, характер цитат, пометы: СОЗДАТЕЛЬ. 1. Тот, кто создал что-н. *Создатель учения. Создатель теории. 21 января 1924 г. в Горках умер наш вождь и учитель. Создатель большевистской партии Ленин.* История ВКПб. 2. Бог как творец мира (*книжн. устар. религ.*). Важен такой факт: пометы «религ[иозное]» и «церк[овное]» становятся, по сути дела, запретительными – отношение к сферам религии или церкви означает «не наше», чуждое по идеологии, а следовательно, враждебное, поскольку все, связанное с жизнью церкви, с религией подводится под идеологему «пережиток прошлого».

Поскольку религиозные начала были оторваны от нравственных, языковые оценки искажаются и переворачиваются – религиозная лексика получает не свойственные ей в традиционной русской культуре значения. В частности, появляется терминологическое значение слова БЕЗБОЖНИК ‘член антирелигиозного общества; лицо, ведущее антирелигиозную пропаганду (*нов.*)’. Появляются абсурдные, с точки зрения традиционного русского языкового сознания, словосочетания: «работать безбожником при избе-читальне», «общество безбожников», «заседание безбожников», «союз воинствующих безбожников», а также названия официальных периодических изданий: «Безбожник у станка», «Деревенский безбожник», «Юный безбожник» и др.

В 1970-е гг. в Словаре синонимов под ред. А. П. Евгеньевой весь ряд Бог, Господь, Создатель, Творец (примечательно, что все слова были написаны со строчной буквы) получает выразительный семантический конкретизатор в толковании: «Все эти слова, обозначающие бога в христианской религии, в соврем.[енной] разговорно-литературной речи утратили свое первоначальное значение и употр.[ебляются] в устойчивых оборотах, выражающих различные эмоции (удивление, возмущение, страх и т. д.) [1970].

Это наследие русской советской лексикографии оказалось очень долговременным. В новых и новейших словарях уже постсоветского времени находим искажения значений многих слов, связанных с религией, таких как *бессмертный, посмертный, апостол*, названия православных праздников и т. п. Ни в одном словаре русского языка XX в. нет слова *окормлять* ‘осуществлять духовное попечение, духовное руководство’ – есть только соотносительная видовая пара *окормить / окормливать* в значениях 1) ‘накормить в большом количестве, обкормить’ и 2) ‘отравить вредным кормом’. Отсутствие важного для церковной сферы слова *окормлять* приводит к лингвистическим курьезам, ср. высказывание одной верующей о своем духовном отце: «Он *окормлял нас духовными книгами*» (вероятно, предполагается метафорическое переосмысление глагола *окормлять* как ‘кормить в большом количестве’).

Вернувшись в языковое сознание современников и в лексическую систему современного русского языка, этот массив лексики, один из важнейших в русской культуре и в духовной жизни народа, не обнаружил обычных для лексики изменений. По известному замечанию Булгакова, православие словно не заметило, что мир изменился. Глубокие перемены произошли именно в языковом сознании наших соотечественников, в восприятии и освоении православной лексики. Эти перемены были обусловлены и поддержаны соответствующими общественными фактами, в частности, тем, что стала доступной переиздаваемая большими тиражами литература русской религиозной философии, в печати появилось большое количество популярной религиозной литературы, массовыми тиражами издаются православные календари, святцы, популяр-

ные толкования Священного Писания и основных догматов Церкви, выходят многочисленные энциклопедические православные словари (назовем только два из них [Живов, 1994; Мовлева, 2008]). В светской литературе, в частности в периодике, на радио и телевидении, а также на интернет-сайтах большое место занимают тексты и справочные пособия религиозного содержания.

В этих условиях стало возможным собирание и исследование православной лексики как особого лексического пласта современного русского языка. Пока еще такие исследования исчисляются единицами, но сам факт обращения к этому новому, неисследованному лексическому материалу говорит сам за себя [Купина, 1995; Крысин, 1996; Мечковская, 1998; Майданова, 1999; Крылова О. А., 2000; Лейчик, 2001; Крылова И. А., 2005; Ко Чун Ин, 2007]. Большое место религиозным проблемам уделяется в лингвистических и культурологических работах более широкой проблематики [Бабах, Левикова, 2000; Варзонин, 2001]. Впервые соответствующий лексический пласт современного русского языка был описан в специальных словарях филологического типа [Скляревская, 2000; 2008; 2012].

Лексикологическое и лексикографическое исследование лексики православия показало, что рассматриваемый лексический пласт обладает всеми связями и отношениями, присущими лексической системе, последовательно обнаруживая их во всех аспектах.

Прежде всего обращает на себя внимание тот факт, что рассматриваемая лексическая подсистема организована по полевому принципу. Отчетливо обнаруживаются такие лексико-семантические группы:

1) основные понятия вероисповедания и богословские термины (*апофатизм, аскетизм, Бог, догмат, Дух, исихазм, Царство Небесное*);

2) лексика христианской морали (*добро и зло, грех, милость, милосердие, смирение, прощение, покаяние, гордость*);

3) названия таинств (*крещение, миропомазание, покаяние, причащение, брак, священство, елеосвящение*);

4) наименования Небесной иерархии (*ангелы, архангелы, архистратиг, серафимы, херувимы*);

5) наименования Церковной иерархии (*иерей, диакон, митрополит, епископ, экзарх*);

6) элементы церковного календаря (*отдание, преполовение, поспразднство, страстная седмица, родительская суббота*);

7) наименования евангельских событий и соответствующих им праздников (*Вознесение, Крещение, Преображение, Рождество Христово, Сошествие Святого Духа*);

8) формы и части богослужений (*анафора, Литургия, всенощное бдение, полунощница, проскомидия, Евхаристия, молебен, панихида*);

9) основные элементы богослужения, соответствующие песнопения (*акафист, антифон, догматик, икос, канон, славословие, стихира, тропарь*);

10) устройство православного храма (*амвон, жертвенник, иконостас, кафедра, солея, паникадило, притвор, паперть, Царские врата*);

11) предметы богослужения, церковная утварь (*антиминс, возд'ух, губа, дароносица, дискос, звездица, лжица, плат, потир, кадило, хоругвь*);

12) священнические и монашеские облачения и их части (*апостольник, епитрахиль, камилавка, мантия, митра, омофор, орарь, поручи, скуфия, фелонь*);

13) наименования чинов святых (*мученик, великомученик, новомученик, праведный, преподобный, святитель, священномученик*).

Как любой другой лексический разряд православная лексика представлена в своем частеречном разнообразии, в частности, в нем активно функционируют имена прилагательные (*духовный, евангельский, евхаристический, канонический, мирской*) и глаголы (*грешить, мироточить, молиться, окормлять, рукоположить*).

Так же подобно всем другим лексическим пластам религиозно-церковная лексика функционирует в сложном комплексе производных. БОГ: *боговоплощение, боговдохновенный, богооставленность, Богопримец, богословие, богослужение, богопознание, богоподобие, боговидение, Богоот'ец, Богочеловек, богоявление, богохульство, безбожие, безбожный, безбожник* и. т. д.; КРЕСТ: *крестик, крестить, крещеный, крестный, крестная, крестник, крестница, крещальный, крещаемый*. Системная организация религиозной лексики прослежива-

ется также на уровне синонимии (ПРЕСВИТЕР = иерей; священник. ОБИТЕЛЬ = монастырь; ПРЕСТОЛЬНЫЙ ПРАЗДНИК = храмовый праздник; ПУСТЫННИК = пустынножитель) и омонимии (АГНЕЦ¹ ‘Агнец Божий...’ и АГНЕЦ² ‘Средняя часть профоры...’)

В стилистическом плане православная лексика достаточно однородна, хотя и в этом отношении наблюдается некоторая стратификация, но в меньшей степени, чем в других лексических сферах. С одной стороны, наряду с официальными употребляются также обиходные, разговорные номинации: БАТЮШКА. *Обиходн.* Священник (обычно в обращении). ПРОСВИРКА. *Обиходн.* Профора. КРЕСТИК. *Обиходн.* Нательный крест. С другой стороны, функционируют лексические средства, которые в пределах этого лексического пласта могут быть определены как лексика высокого стиля: ПРИЗРЕНИЕ ‘опека, помощь’. УСПЕНИЕ ‘мирная кончина’. ОБЕТОВАНИЕ ‘обещание’.

Лингвистический анализ и особенно лексикографическое описание церковной лексики связаны для исследователя с особыми трудностями. Во-первых, чрезвычайно трудны определения и дефиниции слов, относящихся к Богу и божественным сферам, поскольку человеческий язык в сути своей ориентирован на земное, а не на небесное, божественное. Во-вторых, – и это особенно важно учитывать – необходима абсолютная точность дефиниции каждого слова, точность, не допускающая употребления синонимов и близкозначных слов, поскольку замена богословского термина синонимом может привести не просто к лексикографической ошибке, а к ереси. Например, есть лексикографический соблазн истолковать словосочетание ФАВОРСКИЙ СВЕТ через ‘возникший’ или ‘осиявший’, однако эти обычные, с точки зрения секулярного сознания, слова привели бы к еретическому толкованию. Догматически правильной является дефиниция ‘нетварный божественный свет, присущий Иисусу Христу и явленный его ученикам в момент Его Преображения на горе Фавор’. Те же проблемы возникают при лексикографическом описании таких слов, как ОБРАЗ БОЖИЙ и ПОДОБИЕ БОЖИЕ, ВОЛЯ БОЖИЯ, ИПОСТАСЬ и т. п. В-третьих, исследование во многом затрудняют неточности имею-

щейся справочной литературы. Помимо перечисленных трудностей существуют и орфографические проблемы: в церковных и религиозных текстах даже слова, не называющие именованый Бога и только косвенно связанные с божественными сущностями (СВЯТОЙ, ПРЕСВЯТАЯ, ЕВХАРИСТИЯ, МИРОПОМАЗАНИЕ, НОВОМУЧЕНИК и т. п.), по церковной традиции принято писать с прописной буквы.

Процесс современного языкового возрождения охватывает множество фактов и явлений, особенно выразительных на лексическом уровне. Это возвращение забытых слов (*акциз, гимназия, губернатор*), исправление семантических трансформаций, подмен и искажений советского времени, аксиологической ориентации слов (*социальная защита, интеллигент, космополит, собственник, правозащитник, оппозиция, милостыня, благотворительность, праведник*). И в этом процессе важнейшую роль играет судьба лексики православной церковной культуры, восстановление ее истинного статуса в лексической системе, возвращение ее в реальную жизнь языка.

Список литературы

Бобахо В. А., Левикова С. И. Культурология. Программа базового курса, хрестоматия, словарь терминов. М.: ФАИР-ПРЕСС, 2000. 399 с.

Варзони Ю. Н. Этические основания теории риторики. Научное издание. Тверь: Альба, 2001. 207 с.

Ко Чун Ин. Ассоциативный эксперимент в исследовании русского сотериологического концепта ДУХ // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2007. Т. 6, вып. 2: Филология. С. 17–20.

Крылова И. А. Современная православная проповедь в функционально-стилистическом аспекте: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2005. 27 с.

Крылова О. А. Существует ли церковно-религиозный функциональный стиль в современном русском литературном языке? // Культурно-речевая ситуация в современной России. Екатеринбург, 2000. С. 107–117.

Крысин Л. П. Религиозно-проповеднический стиль и его место в функционально-стилистической парадигме современного русского литературного языка // Поэтика.

Стилистика. Язык и культура: Сб. ст. памяти Т. Г. Винокур. М., 1996. С. 135–138.

Купина Н. А. Идеологическое освоение семантической сферы религиозного // Купина Н. А. Тоталитарный язык. Словарь и речевые реакции. Екатеринбург; Пермь, 1995. С. 28–31.

Лейчик В. М. Обновление религиозного стиля: взгляд лексиколога // Христианизация, дехристианизация и рехристианизация в теории и практике русского языка: Сб. ст. Познань, 2001.

Майданова Л. М. Религиозно-просветительский текст: стилистика и прагматика // Русский язык в контексте культуры. Екатеринбург, 1999. С. 172–194.

Мечковская Н. Б. Язык и религия: Учеб. пособие. М.: ФАИР, 1998. 350 с.

Список словарей

Живов В. М. Святость. Краткий словарь агиографических терминов. М.: Гнозис, 1994. 110 с.

Мовлева Н. С. Малый православный толковый словарь. 2-е изд., стереотип. М.: Дрофа, 2008. 528 с.

Скляревская Г. Н. Словарь православной церковной культуры. СПб.: Наука, 2000. 278 с.; 2-е изд., испр. М.: Астрель, 2008. 447 с.

Скляревская Г. Н. Современное русское православие. Толково-энциклопедический словарь. М.: Астрель, 2012. 832 с.

Словарь синонимов русского языка: В 2 т. / Под ред. А. П. Евгеньевой. Л., 1970.

Толковый словарь русского языка / Под ред. Д. Н. Ушакова. М., 1935–1940. Т. 1–4.

Материал поступил в редколлегию 20.03.2012

G. N. Sklyarevskaya

THE VOCABULARY OF ORTHODOXY IN MODERN RUSSIAN: AN EXPERIENCE OF LEXICOLOGICAL ANALYSIS AND LEXICOGRAPHICAL DESCRIPTION

The article deals with the orthodox vocabulary as an integral part of the modern Russian lexical system, which demonstrates all categorical features of the common vocabulary, and it gives us good reasons to consider this lexical category as a new object of lexicology and dictionary compiling.

Keywords: Russian language, the vocabulary of Orthodoxy, lexicography, orthodox ecclesiastical culture.